

Два дня пролетели в праздности.

На городской стене Нижэнь Чжан всё так же лепил своих кукол, до странности похожих на живых людей, а двери игорных домов то и дело впускали и выпускали толпы искателей удачи. На оживлённых улицах жизнь текла своим чередом: старик Ван, торговавший засахаренными плодами на углу, всё так же весело забирал у прохожих свои законные две монеты.

Лишь ставки в игорных домах росли с каждым часом, в остальном же мир вокруг оставался неизменным.

Тишь да благодать.

Лу Сяофэн шёл по мостовой, чувствуя, как сердце в груди выстукивает тревожный ритм.

— С чего бы ему не биться? — Хуа Маньлоу, как обычно, улыбался. Это было куда приятнее, чем сморщенное лицо старика.

— Ты не понимаешь, брат Хуа, — вздохнул Лу Сяофэн. — На этот раз оно прыгает как-то неправильно. Кажется, я сейчас задохнусь.

Хуа Маньлоу не переставал улыбаться:

— Если ты и впрямь так задохнёшься, то непременно станешь легендой.

Не успел он договорить, как Лу Сяофэн внезапно схватил его за руку и прижал к своей груди.

— Почувствуй, брат Хуа, — взмолился он. — Разве оно не бьётся как сумасшедшее?

Озадаченный столь нелепой выходкой, Хуа Маньлоу лишь беспомощно покачал головой:

— Уж не знаю, мечется оно или нет, но у такого несносного человека, как ты, сердце просто не может биться, как у обычных людей.

На людной улице они и без того выделялись статным видом, притягивая взгляды. А уж когда один привлекательный мужчина прижал руку другого к своей груди, любопытство прохожих и вовсе стало осязаемым.

К счастью, Хуа Маньлоу был слеп. Даже если он и чувствовал на себе десятки обращённых взоров, это его нисколько не трогало.

Что же касается Лу Сяофэна, он был достаточно толстокож. Он не только не смутился, но, напротив, почувствовал себя ещё вольготнее.

Ладонь Хуа Маньлоу через тонкую ткань просторного одеяния коснулась того места, где билось сердце Лу Сяофэна.

Это было весьма деликатно.

Любому другому достаточно было одного движения, чтобы оборвать его жизнь. Ни один мастер боевых искусств не позволил бы чужаку коснуться своей груди.

Лу Сяофэн тоже не позволил бы. Он доверял людям, но не спешил на тот свет — ведь только живые могут продолжать верить.

Никому, кроме Хуа Маньлоу.

Ему он не просто доверял — он мог подставить своё сердце под его руку даже ради шутки. Будь у Хуа Маньлоу в руках хоть окровавленный клинок, Лу Сяофэн, не колеблясь, сам бы прижал его ладонь к своим рёбрам.

И Хуа Маньлоу, конечно же, понимал цену этого доверия.

Он замер на мгновение, словно прислушиваясь к чему-то сокровенному, а затем произнёс:

— Ритм ровный, удары уверенные и сильные. Брат Лу, можешь быть спокоен: ты не только не задохнёшься, но и здоровьем потягаешься с быком.

Лу Сяофэн с сухим смешком отпустил его руку:

— Вот как? Ха-ха-ха... Странно. Клянусь, только что оно прыгало, словно горох на раскалённой сковороде. Я уж испугался, что оно выскочит прямо через рот.

Убирая руку, Хуа Маньлоу усмехнулся:

— Тогда тебе стоит получше за ним приглядывать. Смотри, чтобы оно не сбежало до того, как мы доберёмся до Терема, подпирающего небеса.

Настроение у обоих заметно улучшилось, и друзья бок о бок зашагали к южной части города.

Терем, подпирающий небеса, высился неподалёку.

Это было изысканное, нарядное здание. Серебряная черепица, бирюзовая глазурь, резные балки и расписные перекрытия — оно идеально вписывалось в окружающий пейзаж.

В то же время это было совершенно обычное строение. В городе можно найти немало подобных теремов, возведённых с великим тщанием и вкусом, но отнюдь не уникальных.

Когда-то этот дом был лишь малой частью владений Хо Сю, превращённой в уютную винокурню. После того как Хо Сю оказался заточён в железную клетку Чжу Тина, которую невозможно разрушить, неизвестно, в чьи руки перешло это имущество.

Винокурня продолжала работать как ни в чём не бывало.

Пока в один прекрасный день не превратилась в Терем, подпирающий небеса.

Лу Сяофэн мало что знал о самом Тереме, но здание было ему знакомо. Он не раз бывал здесь гостем: местная «Дочь бедняка» была слаще нектара, и, придя сюда однажды, он всякий раз не желал уходить.

Он точно помнил: ещё за день до того, как здесь обосновался Терем, винокурня оставалась винокурней. Он даже успел осушить три кувшина вина, прежде чем Цю Жаньюй прислала за ним людей, и он нехотя покинул заведение.

А наутро здесь уже был Терем.

Так же внезапно он возник и в разговорах на подмостках Цзянху.

В мире не бывает вещей, появляющихся из ниоткуда. Ничто не достигает величия без долгой подготовки.

Сколько сил было вложено в это преобразование, через какой огонь и воду пришлось пройти его создателям?

Этого не знал никто.

Лу Сяофэн хоть и не ведал истины, дураком не был. Он старался держаться от Терема подальше, не желая впутываться в чужие дела. С неба не падает ничего, кроме неприятностей, которых лучше избегать.

К сожалению, человек не всегда волен распоряжаться своей судьбой.

И вот сегодня он и Хуа Маньлоу стояли перед воротами Терема, подпирающего небеса.

Стоило им приблизиться, как у входа началось оживление. Откуда-то стали подходить люди, хотя мгновение назад улица казалась пустой.

Сюй Буэ стоял в дверях в той же одежде, что и в прошлый раз. На воротнике всё ещё темнело масляное пятно от жареного гуся, а за спиной висел тяжелый меч, длиной почти до колен. Заметив Лу Сяофэна, он зычно крикнул:

— Великий герой Лу, какими судьбами?

Затем его взгляд упал на спутника Лу, и он поспешил навстречу, отвесив поклон:

— А вы, должно быть, молодой господин Хуа Маньлоу. Истинный благородный муж, вызывающий лишь почтение!

Он не умел изъясняться красиво, но его простые слова звучали куда весомее книжных похвал.

Хуа Маньлоу поклонился в ответ:

— Сюй Буэ, «Тяжелый меч»... Рад нашей встрече.

Лу Сяофэн усмехнулся:

— С чего это ты вдруг решил, что он достоин почтения? Вы ведь видите впервые.

— Достаточно одного взгляда, — отрезал Сюй Буэ. — Из всех, кого в поднебесной кличут «молодыми господами», он — самый настоящий. Разве это не достойно уважения?

Лу Сяофэн понял, что тот имел в виду: мягкое изящество и невозмутимое достоинство Хуа Маньлоу выделяли его среди всех прочих. И хотя хвалили не его самого, Лу Сяофэн был полностью согласен.

— Великий герой Лу, вы уже рассказывали обо мне молодому господину Хуа? — спросил Сюй Буэ.

Лу Сяофэн замялся, неопределённо пробормотав:

— Случалось... мельком.

Он понимал: Сюй Буэ удивился, что Хуа Маньлоу узнал его без представления, и списал всё на рассказы Лу. Но на самом деле Лу Сяофэн никогда не вдавался в подробности.

Впрочем, Хуа Маньлоу был проницателен: стоило ему немного поразмыслить, и он всё понял сам.

Тут к ним подошёл Е Букэ, а рядом с ним — Сюй Бусю, с которым Лу Сяофэн уже однажды встречался. Старик и юноша вместе приветствовали гостей.

Хуа Маньлоу учтиво раскланялся с каждым, и Лу Сяофэн последовал его примеру. Увидев Е Букэ впервые, он поймал себя на мысли, что лицо юноши кажется ему знакомым.

Е Букэ выглядел как утончённый учёный: простое синее одеяние, правильные черты лица и тот особый налёт книжной мудрости, что присущ лишь начитанным людям. Он казался совсем молодым и бесхитростным.

Лу Сяофэн встречал немало таких людей, а кое-кто из них даже числился в его друзьях. Потому он так и не смог сразу припомнить, где же видел его раньше.

Странно было другое: три столпа Терема были в сборе, но Шэнь Бумянь нигде не было видно.

Лу Сяофэн огляделся, но больше никто не спешил к дверям.

Сюй Бусю, как старший, взял слово:

— Не чаяли, что великий герой Лу почтит нас своим присутствием. Глава наверняка будет несказанно рад.

— Простите, что явился без приглашения, — рассмеялся Лу Сяофэн. — Просто захотелось выпить, а узнав, что брат Хуа приглашён к вам, я набрался наглости и увязался следом. Боялся, что хозяин рассердится на мою невоспитанность, так что ваши слова — бальзам на душу.

Сюй Бусю и остальные заулыбались:

— Знай мы, что великий герой Лу готов нас навестить, пригласили бы вас первым же делом.

За неспешной беседой они двинулись внутрь здания. Но стоило им пересечь порог, как навстречу вышла фигура.

— Кажется, я немного опоздала, но всё же вовремя, — раздался голос.

Голос был чистым и мелодичным, словно ласковый весенний дождь или тихий перезвон серебряных колокольчиков. Он обволакивал, даря покой и умиротворение.

Это был голос женщины!

Лу Сяофэн лишь взглянул на неё — и он невольно вздохнул от восхищения. Даже если бы Лю Фуфэн и Цю Жаньюй, вечно враждующие друг с другом, увидели эту женщину, они бы тут же забыли все распри, сгорая от стыда и осознания собственного несовершенства.

Она была ослепительна.

Женщин, заставляющих Лу Сяофэна искренне содрогнуться от восторга, было исчезающе мало, но эта незнакомка казалась самым воплощением весеннего ветра, от которого невозможно отвести глаз.

Хуа Маньлоу произнёс:

— Не думал, что Шэнь Бумянь окажется столь прекрасной девой.

Женщина замерла в изумлении:

— Ты не видишь меня. Откуда же тебе знать, что я — Шэнь Бумянь, и уж тем более — что я красива?

Хуа Маньлоу мягко улыбнулся:

— Кто ещё в этом тереме мог выйти нам навстречу, если не Шэнь Бумянь? А что до красоты... я чувствую, как Лу Сяофэн замер, не в силах отвести взгляд. Лишь та, что прекрасна, как небесная фея, способна вызвать у него такое безмолвное почтение.

Лу Сяофэн почувствовал лёгкое смущение от слов друга, но спорить не стал. Хуа Маньлоу знал его слишком хорошо, а его чувства и слух были за гранью понимания обычных людей. Оставалось лишь понимающе улыбнуться.

Девушка рассмеялась, и смех её был подобен музыке:

— Верно говорят: Хуа Маньлоу прозревает истину сердцем. Слышала бы я о вашем мастерстве и чистоте помыслов меньше, не поверила бы, а теперь — искренне восхищена. Выходит, и второй наш гость — не кто иной, как прославленный Лу Сяофэн. Жаль лишь, что мои глаза погружены во тьму, и я не могу воочию увидеть двух столь выдающихся мужей. Это поистине печально.

Хуа Маньлоу покачал головой:

— Не стоит сетовать, дева Шэнь. Я тоже не вижу ни себя, ни других, так что мы в равном положении. В этом смысле Лу Сяофэн — единственный победитель среди нас.

Все дружно рассмеялись, и Шэнь Бумянь смеялась вместе с ними.

«Неужели такая красавица не может видеть сияния этого мира и зелени лесов? — пронеслось в голове у Лу Сяофэна. — Неужели небеса столь завистливы к земной красоте, что оставили в этом совершенстве столь горький изъян?»

Он перевёл взгляд с Шэнь Бумянь на Хуа Маньлоу и тихо вздохнул про себя.

<http://bllate.org/book/17403/1653354>